

После сказки

– Догнать! – визжала Снежная королева и тыкала куда-то в сторону Лапландии. Голос отражался от стен, эхом летел дальше по залам, сшибал с ног статуи и разбивал зеркала. – Уничтожить болвана Кая! И его подружку, как там ее... Тоже! Тела принести сюда!

Столб снежного тумана, на который она визжала, на мгновение стал прозрачнее. Сквозь плотную завесу проступили тонкие руки и острые скулы, всхлипнули, разворачиваясь, кружевные крылья – и снежные воительницы преклонили колена перед королевой.

Прежде чем ответить, одна из воительниц приложила острие меча к своей шее:

– Госпожа, это займет время. Нам придется заглядывать в каждое окно в их поисках.

Снежная королева перестала визжать:

– А ты что, домой торопишься?

Она поднялась с трона и неторопливо подошла к посмевшей возразить. Протянув руку к мечу, надавила... сильнее, еще сильнее. Воительница прикрыла глаза, но не пошевелилась. По ее шее, едва заметные, потекли струйки прозрачной талой воды. Снежная королева надавила еще сильнее – и на каменные плиты пола полетели тяжелые капли.

– Значит, будете заглядывать в окна и не пропустите ни одного! Слышите?! Ни одного! – Снежная королева отпустила меч и толкнула воительницу в лужицу на полу.

Остальные склонили головы:

– Уничтожить. Болвана Кая и его подружку. Тела принести. Будет исполнено.

Герда пекла блины. Наливала в сковородку жидкое тесто, разравнивала тонким слоем и смотрела, как пузырится оно на огне. Для себя бы готовить не стала: слишком тяжелым выдался день, но Кай снова хандрил, жаловался на головную боль, склероз, авитаминоз и общее недомогание. «Недомогание» было таким мощным, что уже сутки он не считал нужным подниматься с дивана, кроме как в туалет: даже курил в постели.

– Ты почистила трубку, мать твою? А спички мои где?

Спасти Кая могли только блины. Обязательно со сгущенкой. И Герда понимала, что после готовки ей придется еще тащиться в лавку.

– А ты как думала? – поджимала губы бабушка. – Мы женщины. Мы должны заботиться о наших мужчинах.

Герда не спорила. После возвращения Кая для бабушки не было ничего важнее его благополучия. Внук был на первом месте. И на втором, и на третьем. Герде в этой парадигме места не оставалось. Иногда ей казалось, что она вообще здесь из другой сказки. Из «Золушки», например.

– Герда, когда жрать будем? Заманаешься ждать!

Герда ничего не ответила – уложила только последний блин в аккуратную стопку других таких же, сняла передник и крикнула читающей бабушке:

– Я в лавку!

Бабушка оторвалась от книги не сразу, еле вынырнув из пучин романтического фэнтези.

– И к аптекарю зайди. У мальчика жар.

– Нет у него жара, он придумывает, – громко сказала Герда. И себе под нос добавила: «Лентяй хитрожопый».

– Кто тебя спрашивал вообще? – лениво откликнулся Кай. – Сказано зайти, значит, зайди.

А бабушка вновь поджала губы:

- Как ты можешь? Ты же девочка...

На улице было морозно. В чистом небе тем же блином, только остывшим, сияло солнце. По брусчатке туда-сюда катили кареты и цокали лошади, кудрявые, с разноцветными лентами в гривах и хвостах. Герда на секунду забыла об усталости: уж больно весело цокали лошади – как на параде. Или на параде в цирке. Девушка давно туда не захаживала: цирка ей хватало и дома.

Иногда она ловила себя на мысли, что Кай так и не вернулся. Что Снежная королева подсунула ей вместо любимого названного брата отменного говнюка – ленивого, капризного, наглого. Первое время Герда списывала все на посттравматический синдром, а потом поняла, что братец всегда был таким, только теперь окончательно потерял совесть. Однажды Герда, психанув, напомнила Каю, откуда она его вытащила, но напоролась лишь на ухмылку: «А я тебя не просил». Тогда не просил, да. Зато теперь вся ее жизнь состояла из выполнения его просьб, а то и прямых приказов. И послать его она не могла: бабушка, чуть что, оседала, хватаясь за сердце, и причитала, что не такого ждала она от той, которую растила с малолетства. Бабушку ещё было жалко, но всё больше так, по привычке. Герда уже не помнила, что когда-то любила их обоих.

От противных мыслей стало гадко во рту – Герда скривилась, как от лимона, поморщилась...

На сморщенный нос опустилась снежинка. Затем снежинки спикировали на носы башмаков, на шапочку, на воротник. Снегопад начался как-то сразу, будто распорол перину и перевернули дырой книзу. Снег валил стеной, и в нем, еле уловимые глазу, мелькали силуэты – крылатые, тонкие, гибкие. Будто огромные снежные бабочки.

В лавке на всякий случай Герда купила не только сгущенку, но и мед, и повидло. На скандал сил уже не было, а он обязательно случился бы, откажись Герда снова вставать и идти куда-то. К аптекарю-то зашла на автопилоте. А тут еще и снега насыпало чуть не по колено. Пока дойдет обратно, обязательно промокнет. Как бы самой не заболеть...

Распахнув дверь дома, Герда вошла в тепло. Замерла на мгновение, чуть не мурлыкая, затем поставила корзинку на пол и подула на озябшие руки. В доме было тихо, только негромко тикали ходики. Бабушка, наверняка, читала. Кай вполне мог заснуть, сожрав блины всухую. А то и просто выбросив из окошка: а чего они недостаточно круглые? Герда настолько ясно себе это представила, что сама же и поверила, и бросилась проверять.

Блины по-прежнему лежали золотистой стопкой. И в комнате, откуда она ушла пару часов назад, все оставалось по-прежнему: бабушка сидела в кресле с книжкой, Кай валялся на диване. Только лица у них были очень бледными, почти мраморными. А еще у бабушки поверх накрахмаленного фартука багровело большое кровавое пятно. И у Кая – даже не одно: пятна были на груди и на животе, и из полуоткрытого рта тянулась струйка подсохшей крови. В кои-то веки Кай молчал, ничего не требуя, и оттого казался совершенством.

Позади Герды раздался тихий шелест – и в ту же секунду между лопаток ткнулось что-то холодное и острое.

– Стой где стоишь. Насчет тебя распоряжений не было. Закрой глаза и досчитай до ста.

Герда послушно закрыла глаза, но считать не стала.

– Бабушку-то за что? Она его просто любила.

За спиной еле слышно двигался, будто танцевал, кто-то легкий, невесомый. Острое куда-то пропало, как и не было.

– Исполнено верно. Её величество приказала уничтожить болвана Кая и его подружку.

– Какая же она подружка?! – Герда дернулась взглянуть на голос. – Старая бабка.

– Стой где стоишь! – острое вернулось снова. – У людей бабки не могут быть подружками? Тогда кто подружка? Ты?

Герда замерла.

– Я? Я нет. Вот уж точно нет.

– Тогда насчет тебя распоряжений не было. Закрой глаза и досчитай до ста.

Стараясь, чтобы голос не дрожал, Герда начала считать вслух. На первых трех десятках слышно было, как что-то тащили по полу. На словах «шестьдесят четыре» хлопнула створка окна.

Девушка открыла глаза. В комнате никого не было – только красные пятна на полу и немного воды на подоконнике. Осторожно подойдя к окну, Герда выглянула наружу и ахнула. Снег по-прежнему шел, но он перестал падать – он возносился. Плотной стеной, лавиной, поднимался куда-то вверх, нарушая все законы природы и, частично, законы физики. Закрывал знакомые с детства очертания ратуши и соседских домов, чтобы обнажить их снова, но уже другими, обновленными.

Как и всю ее теперешнюю жизнь - без бабушки и Кая.